

УДК 930.85(571.1) «19»

**УЧАСТИЕ ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА
В РАЗВИТИИ СВЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ФОРМИРОВАНИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ
ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО СИБИРСКОГО ГОРОДА***Е. Б. Макарчева***ORTHODOX CLERGY PARTICIPATION IN THE DEVELOPMENT OF SOCIETY EDUCATION
AND THE SOCIO-CULTURAL ENVIRONMENT FORMING OF
PRE-REVOLUTIONARY SIBERIAN TOWN***E. B. Makarcheva*

В статье рассматривается роль духовного сословия в развитии светского образования в Сибири, его место в социальной и культурной жизни провинциального сибирского города второй половины XIX – начала XX вв. на примере Тобольска, Омска, Кузнецка.

The article describes the participation of clergy estate in the development of the secular education in Siberia. It characterises the role, that the clergy estate played in social and cultural life of the provincial Siberian town in the 2nd half of XIX century and the beginning of XX century as in example of Omsk, Tobolsk, Kuznetsk.

Ключевые слова: история, общественные отношения, образование, культура.

Key words: history, social relations, education, culture.

Формирование в провинциальном сибирском городе дореволюционной эпохи той социальной группы, которая может быть условно названа интеллигенцией – тема для обширного и многолетнего исследования. Очевидно, что в Сибири этот процесс, по сравнению с общероссийским, запаздывал на многие десятилетия, при том, что и в самой России он разворачивался относительно поздно. Речь не идет даже о людях творческих профессий – писателях, художниках, актерах. Ранее XIX в. невозможно, по-видимому, говорить и о сколько-нибудь значительной прослойке образованных людей, способных занять места на государственной службе. Одной из причин такого положения было почти полное отсутствие учебных заведений даже общеобразовательного уровня. Попытки открытия малых народных училищ в маленьких уездных городках типа Кузнецка в екатерининскую эпоху, как правило, оканчивались неудачей. Хорошее домашнее образование, бывшее традицией в передовых дворянских семьях, в Сибири также развития не получило ввиду отсутствия этого самого дворянства. Люди, получившие образование в Европейской части России, в Сибири оказывались в единичных случаях и не по доброй воле (за исключением высших чиновников сибирской администрации – и то не всегда). При этом их влияние на социальную и культурную жизнь тех сибирских городов, куда их забросила судьба, конечно же, было огромным, что хорошо известно на примере ссыльных декабристов.

С другой стороны, до определенного момента и потребность в образованных людях в сибирском городе была небольшой. Росту этой потребности способствовало усложнение и расширение функций сибирской администрации, развитие торгового и промышленного предпринимательства, активная деятельность государства по созданию в провинции системы народного образования. И, как следствие, на протяжении первой половины XIX в. востребованной становится профессия домашнего учителя и, особенно, учителя начальной школы, училища, гимназии.

Из каких же сословий формировалась эта новая и пока малочисленная для Сибири социальная группа? Свой ответ на этот вопрос применительно к европейской части России еще в начале XIX в. дал М. М. Сперанский, представляя разработанный им устав духовной семинарии: «Математическая Московская школа, первая гимназия Санкт-Петербургской академии наук и первый круг учения в Московском университете составлены были из воспитанников духовных училищ. Учительская семинария народных школ, нынешний Педагогический институт, все прежние врачебные училища, обе Медико-хирургические академии, ныне соединенные, наполнялись и доселе большей частью наполняются питомцами духовной семинарии. Сверх сего знатное их число при учреждении губерний и при других случаях поступило в разные части государственной службы» [6]

Для более позднего времени – скажем, середины века – картина социального происхождения интеллигенции значительно усложнилась, что хорошо отражает укоренившееся понятие «разночинцы». Однако для Сибири значение духовного сословия в формировании слоя образованных людей и в этот период, по-видимому, оставалось заметным. Система профессионального сословного образования для духовенства сложилась на полстолетия раньше системы светского образования и уже успела подготовить сотни образованных священнослужителей. Тобольская духовная семинария начала функционировать с 1743 г. и была первым учебным заведением в Сибири. В 1775 г. к ней добавилась Иркутская. Начальные духовные школы на территории Западной Сибири, относящейся к Тобольской епархии, действовали с конца XVIII в.

Естественно, что с учреждением начальных школ для крестьянских и мещанских детей задача их организации и преподавания возлагалась на духовенство. «Предварительные правила народного просвещения» (24 января 1803 г.), являвшиеся фунда-

ментом александровской школьной реформы, вводимой рядом указов 1802 – 1805 гг., предполагали при устройстве низшей ступени – начальной народной школы – возложить на духовенство, помимо естественной обязанности преподавания Закона Божьего, еще и осуществление общего надзора за ее деятельностью. 27 января 1803 г. императорским указом Св. Синоду было предписано принять соответствующие меры во исполнение этого пункта «Правил» [1, 5]. В ноябре 1804 г. был утвержден «Устав учебных заведений, подведомственных университетам», который также предусматривал создание приходских училищ с годичным циклом обучения на 1 – 2 прихода и поручение общего надзора за ними в казенных деревнях местному священнику. Далее своим указом от 31 января 1805 г. Св. Синод довел эти правила до подведомственного ему приходского духовенства, распорядившись открыть церковно-приходские школы с бесплатным обучением и возложить заботу о них на местных священников [2].

Поскольку никакого финансирования приходской школы из государственного бюджета не производилось, подобный подход принес не слишком обильные плоды: по самым завышенным подсчетам, одно училище приходилось на 60 – 70 приходов [17, с. 183 – 184; 20, с. 64]. Но важен сам факт, что с самого начала существования начальной светской школы организующую роль государство возлагало на духовенство. Новый «Устав гимназий и училищ уездных и приходских» (8 декабря 1828 г.), ознаменовавший очередную реформу светской школы в устройстве начальной народной школы ничего не изменил: училища по-прежнему поручались надзору духовенства, которое, таким образом, должно было участвовать в развитии народного образования на тех же условиях, что и в начале столетия.

Далее высочайшим повелением специально по духовному ведомству 19 октября 1836 г. было предписано открывать школы для крестьянских детей при церквях и монастырях. Судя по активности, с которой под руководством Св. Синода было развернута их организация, им придавалось государственное значение: за 5 лет их было открыто 2700, спустя 10 лет после выхода Указа насчитывалось уже 4308, а за 1840-е – 1850-е гг. их количество, по подсчетам Преображенского, увеличилось в 7 раз (в 1861 г. – 18587 школ и 320350 учеников). Учитывая, что к концу 50-х гг. в стране насчитывалось чуть больше тридцати тысяч приходов, достигнутые результаты выглядят очень внушительно [14, с. 16; 15, с. 4]. В 1842 г. церковные школы для крестьянских детей были преобразованы в приходские училища, подведомственные Министерству государственных имуществ. Началось финансирование училищ из средств этого ведомства.

Впервые десятилетия XIX в. попытки организовать в Tobольской епархии сельские школы силами духовенства, как свидетельствуют отчеты местных светских властей, были в основном безрезультатны. На основании указа Синода здесь действовало всего несколько школ при церквях и монастырях, в кото-

рых священники обучали крестьянских детей бесплатно [7, с. 403]. В конце 20-х гг. было задумано обучение при церквях силами духовенства крестьянских мальчиков для подготовки в писари. Инициатива в данном случае принадлежала светским властям в лице Главного управления Западной Сибири, для обеспечения школ ими был организован сбор средств с крестьянских обществ. Но в 1834 г., т. е. незадолго до выхода синодального указа, предписывающего клирикам взять на себя организацию приходских школ, местное начальство решило, что тобольское приходское духовенство не имеет возможности обучать крестьянских детей. Сельские священники были слишком заняты обязанностями церковной службы, а причетники не обладали необходимым уровнем знаний. В результате открытие школ так и не состоялось, а набранные в них крестьянские дети были приписаны к городским училищам.

До начала 50-х гг., дальнейших усилий по организации приходских школ, по-видимому, не предпринималось. Поворотным стал 1852 г., когда на часть территории Западной Сибири было распространено образцовое управление на принципах реформы П. Д. Киселева. Таким образом, открытие училищ началось уже под эгидой Министерства государственных имуществ. Было решено открыть 20 школ: 12 в Tobольской губернии и 8 – в Томской. Как и в других регионах, школы должны были создаваться под руководством священников, получавших жалование в размере 85 – 100 руб., хотя местные светские власти отрицательно отнеслись к привлечению духовенства к преподаванию в сельских школах. Только в 1856 г. вопреки этой позиции, затягивавшей решение вопроса, школы были открыты, причем по настоянию Министерства государственных имуществ под руководством священников [7, с. 405 – 408; 9, с. 248 – 250].

Информация об участии западносибирского духовенства в деятельности церковно-приходских школ с середины столетия отразилась в отчетах из епархий, собранных Св. Синодом в 1861 г. Данные о количестве школ отрывочны и противоречивы: в 1858 г. в Tobольской и Томской губерниях вместе взятых было открыто 16 школ, в 1859 г. их было уже 19, а в 1860 – 23. По сведениям Синода, учитывающим, очевидно, все приходские училища, как созданные с 1858 г., так и существовавшие ранее, в одной Томской епархии к 1861 г. было уже 37 школ. По ведомости за 1865 г. в ней на 340 приходов действовало уже 73 школы, а в Tobольской епархии – на 390 приходов 173. Однако Сибирские епархии явно отставали от европейских по количеству организованных духовенством приходских школ. По сведениям, полученным от архиереев, в Архангельской епархии было открыто к 1861 г. 203 школы, в Тульской – 419, в Орловской – 888. Даже если предположить некоторую завышенность этих данных (некоторые школы могли существовать только формально), все равно разница между европейской частью страны и Сибирью была значительной [18, с. 176].

Управление школами Tobольской и Томской епархий целиком осуществлялось духовенством, и

оно не получало за свой труд никакого вознаграждения, что в сочетании с бедностью самого духовенства являлось препятствием для распространения школ. В связи с этим Тобольский епархиальный комитет, в числе прочих предложений, считал необходимым назначить учителям из духовенства вознаграждение за труд в размере 5 – 7 руб. за каждого ученика за счет приходского общества и с него же собирать деньги на учебные пособия. Таким образом, сибирское духовенство при отсутствии государственной финансовой поддержки в возрастающих масштабах привлекалось к выполнению задачи по обучению населения начальной грамоте.

Одновременно с организацией сельских школ под руководством священников, и даже несколько ранее соответствующего указа – 19 мая 1836 г. – появляется еще один законодательный акт, разрешающий священникам и дьяконам давать частные уроки по общеобразовательным предметам, таким как арифметика, древние и новые языки и др. Причем на основании правил, утвержденных Св. Синодом в 1834 г., выпускники духовных семинарий допускались к преподаванию без особого экзамена [3; 4]. Таким образом, власти открывают духовенству доступ и в сферу частного образования. И если преподавание Закона Божьего в сельской школе еще не превращало приходского священника в представителя интеллигенции, то, давая частные уроки в семьях купцов, мещан, чиновников, он уже входил в слой образованных людей провинциального города. Необходимо учитывать и то, что благодаря проводимой политике развития сословного образования к середине XIX в. большинство городских священнослужителей даже в Сибири окончили полный курс семинарского обучения. Таким образом, духовные лица были едва ли не самой образованной частью городского населения, не говоря уже о сельском. Особенно это касается настоятелей городских соборов, которые чаще всего были и законоучителями местных светских училищ, и благочинными церковных округов, и членами различных благотворительных учреждений, поскольку последние существовали под опекой церкви.

При недостатке массовых источников эти выводы все же вполне подтверждаются биографическими сведениями об отдельных сибирских священниках, почерпнутыми из клировых ведомостей и некрологов, размещаемых в церковной периодике.

Так, среди тобольского духовенства XIX столетия выделялся Петр Андреевич Фелицын (1783 – 1879), прибывший в тобольскую епархию вместе с новым архиереем Антонием (Знаменским) из Вологды. С 1826 г. он занял должность Тобольского кафедрального протоиерея и из 96 лет своей жизни 66 прослужил в Софийском соборе – главном храме епархии. Служив при 11 архиереях, он практически был вторым лицом в иерархии после преосвященного, занимал множество общественных и церковных должностей, будучи на виду и епархиального начальства, и местного общества. Свою общественную известность Фелицын приумножил яркими проповедями, особенно во время Отечественной войны

1812 г. Благодаря европейской образованности протоиерея и умению вести себя в обществе высокопоставленных особ, именно Фелицын был рекомендован архиепископом в законоучители дочерям генерал-губернатора [12].

Выдающейся личностью среди тобольского белого духовенства был Степан Яковлевич Знаменский (1806 – 1877 гг.). Он окончил тобольскую семинарию в 1824 г. в первый выпуск, набранный после реформы, считавшийся лучшим за всю историю семинарии (шестеро из его однокурсников стали уездными протоиереями). Начав службу священником в Барнауле, через 5 лет был переведен в Курган, затем в Тобольск, Ялуторовск (уже в сане протоиерея) и Омск, где служил до конца своей жизни и стал наиболее известен. При том, что его административные должности также были многообразны, С. Я. Знаменский стал известен не столько успешной церковной карьерой, сколько тем местом, которое он занимал в обществе прогрессивной сибирской интеллигенции. Будучи близко знакомым с членами сибирской колонии декабристов в Кургане, Ялуторовске и Тобольске, Знаменский пользовался среди них уважением и как человек высокой личной нравственности, и как религиозный мыслитель. В своих записках, сохранившихся в личном архиве, он оставил глубокие размышления о вере, самопознании, христианской любви и смирении. Репутацию праведника и образцового пастыря Знаменский заслужил и в глазах тобольского архиерея, и в обществе, и среди своих сельских прихожан. Так, в Кургане он был настолько почитаем, что прихожане выстроили ему хороший дом и снабжали хлебом в таком количестве, что он мог продавать его в значительных масштабах. По мнению декабриста М. И. Муравьева-Апостола, Знаменский очень выделялся среди тобольского духовенства тем, что, имея шестерых детей, жил в добровольной нужде, не пользуясь теми возможностями к обогащению, которые открывались благодаря надзору за раскольниками. Он отличался широтой интересов, выписывая до 15 духовных журналов, занимаясь гальванопластикой, гомеопатией, сельским хозяйством, и это не в последнюю очередь обеспечивало его общественную известность. Особенно близкие дружеские отношения Знаменский поддерживал с семьей декабриста М. А. Фонвизина, являясь духовником его жены Натальи Дмитриевны. В семье Фонвизиных и под их опекой воспитывались сыновья Знаменского, старший из которых Николай на их средства обучался в Казанской духовной академии [11; 13, с. 89 – 93].

К тому же кругу церковных деятелей, что и Знаменский, принадлежал протоиерей Александр Иванович Сулоцкий, историк-краевед, автор нескольких биографий представителей тобольского духовенства. Окончив тобольскую семинарию в 1833 г., он поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию, которую окончил со степенью кандидата богословия в 1837 г. В родную семинарию он вернулся уже в качестве профессора церковной истории и греческого языка. До своего увольнения из семинарии в 1845 г. Сулоцкий преподавал весь цикл специальных и цер-

ковно-исторических дисциплин: библейскую историю, историю русской церкви, церковные древности и обряды, церковные законы и каноническое право, катехизисные поучения. Его научный интерес к церковной истории и краеведению первоначально нашел свое выражение в преподавании им по собственной инициативе истории сибирской церкви и тобольской епархии. Вместе со своим коллегой Г. А. Варлаковым он занимался изучением семинарских и консисторских архивов, чему способствовала и занимаемая им должность библиотекаря.

Известность своими статьями по местной церковной истории Сулоцкий получил уже после увольнения из семинарии и рукоположения священником в Омск. В общей сложности им было опубликовано более 20 статей в церковной периодике. И хотя он после себя «не оставил цельных и особенно капитальных трудов, ...это зависело от того, что... протоиерей был одним из первых в полном смысле самостоятельных тружеников по разработке родных письменных архивов и других памятников сибирской старины. Ему привелось... первому пролагать путь к занятиям сибирской церковной историей».

Другая сторона деятельности А. Н. Сулоцкого связана с его должностью законоучителя в Омском кадетском корпусе. По воспоминаниям Г. Н. Потанина, бывшего воспитанником корпуса, для кадетов он был одним из самых авторитетных преподавателей, у которого они «учились думать». Лекции и проповеди Сулоцкого были столь популярны, что собирали всю омскую знать. Как проповедник Сулоцкий отличался независимостью, и даже некоторым радикализмом суждений, по словам Потанина, «он был искренне убежден, что Бог выше земных царей». О степени влияния Сулоцкого на умы слушателей свидетельствует тот факт, что под впечатлением его уроков некоторые из воспитанников кадетского корпуса выбрали духовную карьеру. В круг общения Сулоцкого входили жившие в Тобольске декабристы, некоторые выходцы из духовенства, игравшие заметную роль в общественной и культурной жизни – П. П. Ершов, П. А. Словоцов (известный историк Сибири), Н.А. Абрамов (краевед, писатель, член Географического общества). Особую страницу в его биографии составляет знакомство с Ф. М. Достоевским, содержащимся в Омском острого по делу петрашевцев [13, с. 106 – 109; 19].

Примеры Знаменского и Сулоцкого свидетельствуют о том, что в среде сибирской прогрессивной интеллигенции достойное место занимали и представители духовенства, следовательно, неправомерно говорить, по крайней мере, как о всеобщем явлении, об отчуждении просвещенной светской общности от духовенства и о презрении, которое она к нему испытывала. В Сибири, где круг образованных и активных людей был особенно узок и малочисленен, деятельное участие в развитии местной культуры широкообразованных, прогрессивно и независимо мыслящих священнослужителей особенно заметно. Естественно, что наиболее важно было служение духовенства на поприще народного образования, где участие священнослужителей зачастую

не ограничивалось только должностью законоучителя. К сожалению, просветительская деятельность, связанная с открытием приходских школ для населения, слабо отразилась в источниках. Одним из немногих, но ярких примеров участия духовных лиц в развитии народного образования является инициатива протоиерея С. Я. Знаменского, который, помимо преподавания Закона Божьего в светских училищах городов, в которых он служил, принимал деятельное участие в организации бесплатной ланкастерской школы в Ялуторовске.

Идея создания школы принадлежала жившему в Ялуторовске декабристу И. Д. Якушкину. Знаменский, переведенный туда на службу из Тобольска в 1839 г., не только поддержал идею, но и предложил для ее практической реализации опереться на синодальный указ 1836 г., обязывавший духовенство открывать для крестьянских детей церковно-приходские училища. Знаменский же, поскольку священный сан давал ему, в отличие от Якушкина, такое право, организовал для этой цели привлечение пожертвований от горожан (дом и учебные пособия). Вслед за мужским было открыто женское отделение, в них обучались дети всех сословий из различных городов и сел чтению, письму, русскому языку, арифметике, истории, географии, Закону Божьему. Поскольку деятельность школы выходила за рамки, предписанные синодальным указом, она вызывала недовольство местной власти в лице генерал-губернатора. С переводом Знаменского на службу в Омск его участие в работе школы прекратилось [13, с. 88 – 89; 10, с. 416 – 418; 11].

Масштаб общественной и культурной жизни Кузнецка второй половины XIX в. был, конечно, скромнее, чем в Омске или Тобольске, но и здесь представители городского духовенства занимали заметное место. Благодаря знакомству с Ф. М. Достоевским, выходящему за рамки простого участия в обряде венчания, хорошо уже известна в научной и популярной литературе личность протоиерея Евгения Исааковича Тюменцева, настоятеля Одигитриевской церкви. Окончив Тобольскую духовную семинарию с аттестатом первого разряда, он, по видимому, выделялся в кузнецком обществе образованностью и широтой интересов. Его стараниями при храме комплектуется библиотека, доступная для прихожан. С произведениями начинающего Достоевского «Бедные люди», «Записки из мертвого дома» он был знаком уже в середине 1850-х, только начав свою священническую службу. Как страстный «цветовод и плодовод», увлекающийся селекцией редких и полезных растений, Тюменцев был известен и за пределами родного Кузнецка, являясь членом-корреспондентом императорского Санкт-Петербургского ботанического сада, переписываясь с известными садоводами, в том числе алтайским краеведом С. И. Гуляевым [8, с. 5; 22, с. 51, 89 – 90, 95].

Число священников, участвовавших в общественной и культурной жизни провинциального Кузнецка и входящих в круг городской интеллигенции, невелико. Это в подавляющем большинстве священ-

ники и протоиереи главных городских церквей – Одигитриевской и соборной Спасо-Преображенской, – награжденные орденами и знаками отличия, учрежденными для белого духовенства, отмеченные благодарностями Св. Синода и епархиального начальства. Кроме вышеупомянутого о. Евгения Тюменцева, это протоиереи Спасо-Преображенского собора Павел Трофимович Стабников, Захарий Матвеевич Кротков, Виссарион Тихонович Минераллов, соборные священники Михаил Алексеевич Любимцев, Иван Васильевич Торопов и Николай Никифорович Рудичев. Все они назначались законоучителями народных училищ, уездных и приходских, при этом некоторые были талантливыми проповедниками (о. Захарий Кротков, автор 41 катехизического поучения, о. Виссарион Минераллов, проповеди которого привлекали прихожан сначала в Преображенский, а затем в Одигитриевский храм). Так что их влияние на нравственный облик и образ мыслей кузнецов сопоставимо с влиянием Сулоцкого на омичей и тоболяков. Как и повсюду, в сибирских епархиях кузнецкие священники заведовали церковно-приходскими школами (о. Николай Рудичев, Иван Торопов), участвовали в общественных и благотворительных организациях: оспенном комитете (Павел Стабников), Кузнецком тюремном отделении и попечительном обществе о тюрьмах (директорами были Павел Стабников, Захарий Кротков, Михаил Любимцев, Иван Торопов, Виссарион Минераллов), училищных советах, как светских так и церковных (Захарий Кротков, Виссарион Минераллов, Николай Рудичев), [16, с. 418 – 424; 21, с. 5; 22; 23, с. 1]. Особенно многообразна была общественная деятельность о. Виссариона Минераллова – члена Попечительства о народной трезвости, Попечительства о детских приютах ведомства учреждения Императрицы Марии, правления школьного общества, общественной библиотеки, пожарного общества, Томского окружного суда, уездного комитета по оказанию помощи семьям лиц, призванных на войну. Являясь по своим общественным должностям постоянным участником Общественного собрания, протоиерей Минераллов был близок кругу наиболее влиятельных лиц города, иногда позволяя себе играть с ними в вист и бильярд (хотя и крайне редко, что следует из материалов следственного дела 1909 – 1912 гг.). С другой стороны, – был регентом прекрасного церковного хора, позволяя его певчим вместе с соборными псаломщиками участвовать в светских любительских спектаклях: пьеса Островского «Бедность не порок», в которой церковный хор был задействован в исполнении «бытовых песен», давалась в Народном доме « в пользу учащихся начальных школ г. Кузнецка». Таким образом, при значительной общественной активности протоиерей не был чужд светским увлечениям и интересам, что, в сочетании с проповедническими способностями, делало его в провинциальном кузнецком обществе личностью влиятельной и заметной [21, с. 5; 23, с. 1].

Роль духовенства в развитии системы народного образования и формировании образованного слоя населения (условно говоря, интеллигенции) сибирских городов не сводилась только к непосредственному

участию духовных лиц в деятельности светских школ. Штат учителей гражданских предметов в народных училищах различного уровня в немалой степени комплектовался выходцами из духовного сословия, как, впрочем, и штат чиновников и служащих гражданских ведомств. Об этом свидетельствуют и многочисленные прошения семинаристов об увольнении их из духовного звания для поступления в училищное ведомство, отложившиеся в фонде Тобольской духовной консистории; и требования различных ведомств и учебных заведений направить им семинаристов. Наконец, сами фамилии учителей зачастую выдают в них выходцев из больших семейных кланов духовенства, служащего при церквях Тобольской и Томской епархий. В Кузнецке это, к примеру, упоминаемые в литературе Вергунов, Наумов, Окорочков, Тюшев. Учитывая тот факт, что духовенство обособилось в замкнутое сословие уже к концу XVIII в., а в середине XIX в. выход из него был относительно свободным именно для лиц, имеющих семинарское образование, то, что предки многих светских учителей были священно- и церковнослужителями вполне вероятно. Дальнейшее исследование этих процессов требует привлечения большого объема массовых источников и выходит за рамки данной статьи.

Литература

1. ПСЗ (Полное собрание законов Российской империи). – Т. 27. – № 20671.
2. ПСЗ-1. Т. 28. №21501, 21610.
3. ПСЗ-П. Т.9. № 7240.
4. ПСЗ-П. Т. 11. №9185.
5. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 796. Оп.84. Д. 55. Л. 141об.-142.
6. РГИА. Ф. 796. Оп. 84. 1803 г. Д. 432. Л.2об.-3).
7. Бочарникова, В. И. Политика царизма в отношении школы и церкви [Текст] / В. И. Бочарникова // Вопросы истории Сибири досоветского периода. Бахрушинские чтения 1969 г. – Новосибирск: Наука, 1973. – 349 с.
8. Волчек, В. Письма иерея Тюменцева [Текст] / В. Волчек, В. Тогулев // Кузбасс. – 1992, 22 мая.
9. Дружинин, Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева [Текст] / Н. М. Дружинин. – М.; Л., 1958. – Т. 2. – 354 с.
10. Дружинин, Н. М. Декабрист И. Д. Якушкин и его ланкастерская школа [Текст] / Н. М. Дружинин // Избранные труды. Революционное движение в России в XIX в. – М., 1985. – 421 с.
11. Сулоцкий, А. И. Биография омского протоиерея С. Я. Знаменского [Текст] / А. И. Сулоцкий // Иркутские епархиальные ведомости. – 1884. – № 29. – С. 382 – 387; № 31. – С. 407 – 409; № 32. – С. 422 – 424; № 36. – С. 473 – 475.
12. Сулоцкий, А. И. Бывший тобольский кафедральный протоиерей П. А. Фелицын [Текст] / А. И. Сулоцкий // Тобольские епархиальные ведомости. – 1883. – № 13-14. – С. 282 – 289; № 17. – С. 352 – 364; № 18. – С. 363 – 374.

13. Громыко, М. М. Сибирские знакомые и друзья Ф. М. Достоевского [Текст] / М. М. Громыко. – Новосибирск, 1985. – 196 с.
14. Извлечение из отчета обер-прокурора Св. Синода за 1847 г. [Текст]. – СПб., 1848. – 91 с.
15. Извлечение из отчета по ведомству духовных дел православного исповедания за 1856 г. [Текст]. – СПб., 1857. – 115 с.
16. Кушникова, М. М. Загадки провинции. Кузнецкая орбита Ф.М. Достоевского в документах сибирских архивов [Текст] / М. М. Кушникова, В. В. Тогулев. – Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 1996. – 471 с.
17. Милюков, П. Н. Очерки истории русской культуры [Текст] / П. Н. Милюков. – М.: Прогресс, 1994. – Т. 2. – Ч. 1. – 416 с.
18. Начальные народные училища и участие в них православного духовенств. Извлечение из сведений, доставленных в Присутствие по делам православного духовенства. – СПб., 1886. – 193 с.
19. Некролог по случаю смерти А. И. Сулоцкого [Текст] // Тобольские епархиальные ведомости. – 1884. – № 10. – С. 218 – 230.
20. Отчет обер-прокурора Св. Синода за 1825-1850 гг. [Текст] // Российское историческое обозрение. – 1896. – Т. 98. – С. 458.
21. Тогулев, В. В. Священники Кузнецка [Текст] / В. В. Тогулев // Кузбасс. – 1992. – 30 сентября.
22. Шадрина, А. С. Двадцать два дня из жизни Ф. М. Достоевского [Текст] / А. С. Шадрина. – Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 1995. – 158 с.
23. Шадрина, А. С. Кузнецкие священнослужители [Текст] / А. С. Шадрина // Православные вести. – 1999. – № 20.
- Рецензент – Т. Б. Соловьева, ГОУ ВПО «Сибирский государственный индустриальный университет».*